

Что делать, коль я такова:
судьба изобидит жестоко —
как прежде, иду напролом,
извлечь не желаю урока...

Абшш КЕКИЛЬБАЕВ

ВОЗГОРИТСЯ ЗВЕЗДА. ЕЕ ЯРЧЕ

Я

ее, возможно, знаю больше многих людей, даже, может, лучше всех. Однако утверждать, что понимаю ее намного лучше остальных, не могу. Да это и невозможно. Потому что истинный художник становится ближе и понятнее по прошествии времени. Современники зачастую заблуждаются, считая свои встречи с выдающимися людьми, разговоры с ними — задушевными беседами. Лишь истинный талант в силах распахнуть по-настоящему свою душу в тот невидимый взгляду загадочный мир, скрывающийся за безмолвной белизной бумаги. Он порой не может сказать человеку то, что беззаветно доверяет бумаге. Даже не может откровенно поделиться с друзьями и близкими темисокровенными мыслями, которые доверяет девственной белизне листа. Робеет. Если другие не могут понять подобное состояние, то людям творческим оно вполне знакомо.

Мы тоже еще многое не знаем друг о друге, хотя испытывали не раз радостные мгновения встреч, вели немало задушевных бесед. И происходит это оттого, что грешное создание — человек — порой теряется в этом быстротечном брэнном мире, становится неразрешимой загадкой для самого себя, не говоря уже о познании ближних...

Мне она представляется загадочной душой, девственной природой, часто появляющимся перед моим взором безбрежным ошлебным миражом.

Да, мираж... Тот самый таинственный мираж, который в пору предвечерних сумерек так игриво и кокетливо вдруг появляется в безмолвном просторе желтой степи? В какую свою тайну посвятил он тебя, хотя и подолгу заставлял до боли в глазах всматриваться.

всецело пленял душу, наполнив собой пространство до самого небосвода? Наоборот, он становится все загадочнее, чем больше всматриваешься в него. Разве не казалось, что удаляется, когда приближаешься, и становится отчетливее, если отступаешь?..

И это на самом деле так! Однако, чтобы воистину понять волшебную природу этого загадочного явления безграничного пространства, необходимо углубиться в огромную Сахару. В противном случае разве возможно понять и оценить всю прелесть и красоту невзначай выпавшего видения.

Мираж, сказал бы я, — явление сродни самой жизни, ибо будит фантазию, мечты и надежды, бесследно стирает картины собачьего раболепия (существования ради собственного благополучия), которое опутывает по рукам и ногам. И вдруг начинаешь понимать не только полную противоречий, столкновений, разочарований, обид, горечи и тяжелых испытаний среду, но и чувствуешь себя неделимой частицей той безбрежной природы, о восемнадцати тысячах чудес которой так подробно говорится в древних сказаниях.

Если желаешь постичь мир — выходи на простор, останься наедине с природой! Над тобой нависнет синева бескрайнего пространства, под тобой будет безмятежно покоиться живой свидетель караваиа времени — земля, утверждая: «Природа испокон веков такова!», «Жизнь вечна! Жизнь вечна!» — будут свистеть и стрекотать букашки из-под колышущихся трав, в небесах зачирикают, вторя им, невидимые создания. Голубой мираж будет маячить на горизонте, словно утверждая: «Еще немало не увиденного тобой, достаточно непознанного!» — то становясь факиром, он напомнит тебе прошлое, когда-то увиденное, то предстанет смутным будущим, распыляя мечты...

Фариза УНГАРСЫНОВА

ЧТО ДЕЛАТЬ, КОЛЬ Я ТАКОВА...

Явись, моей мечты не обмани,
раздвинь мирских условностей пределы,
встань у плеча,
как летний ливень белый,
и небеса с землей соедини.
Явись — и ты увидишь, что с тобой
не утрашу я тяготы любви.

Не видно солнца в хмурой вышине,
дни без тебя плывут невнятным дымом,
мое лицо в толпе неразлично,
и словно дремлет суть моя во мне.
Явись — и солнце станет горячей,
и тоньше — аромат степных полей.

Явись — над истомленной далью взвей
летящее полотнище рассвета —
животворящим пламенем одета,
моя душа откликнется твоей.
Приди — высоким смыслом освети
моей судьбы нелегкие пути.

Когда мы свидимся? Все чаще,
все безысходней —

об одном:
сколь долго
жить в тоске пальцей,
терзаться сердцем и умом?
Но продлевать снова сроки
судьба, глумленьем не сыта,
и горечью дымятся строки,

касаясь белого листа...
Глушь одиночества — доколе?
Расправятся ль когда-нибудь
душа, спеленатая болью,
и крик, беззвучно рвущий грудь?
Как обмануть себя, рассеять,
скажите, люди, — вам видней...
Но невозможны панацеи,
тут все не так, как у людей.
Кому-то жизнь — сама отрада,
а мне за что же так давно
на свежесть утреннего сада
глядеть сквозь слезы суждено?
Глотая слез комков соленый,
чего я жду из года в год,
мысль о тебе всепоглощенно
вынашивая, точно плод?
Как быть, когда звереют тучи
и землю потчуют огнем;
когда батыр пленен и скручен,
а враг бесчинствует кругом?
...В степном буряне, без дороги,
бреду, дрожа на холоду.
Лишь на пороге, на пороге
твоим, без слова, упаду.

Что делать, коль я такова:
судьба изобидит жестоко —
как прежде, иду напролом,
извлечь не желаю урока;
вскипев, возмутится душа
бесчестьем, нечистой игрой —
хоть ты не повинен ни в чем,
тебе достается порой...

Ты, гордый, готов для меня
и тем поступиться, и этим,
в наш век — да простится мой вздох! —
не часто подобное встретим.
И горестно мне — отчего,
и радостно мне — почему,
почувствовать сердцем дано
на свете тебе одному.

Бывает, изверюсь во всех,
тоска — не придумаешь хуже,
и валится дело из рук,
и толки роятся досуже,
лишь ты раздуваешь опять
огонь, задремавший в золе,
как будто бы в этом огне —
вся радость твоя на земле.

Похвал неумеренных пыл —
хоть тут же в столбцы некролога!
с усмешкой отвергнет душа,
живущая чисто и строго.
Ей надобна подлинность чувств,
взыскательность правды нужна.
Я даже и в гуще людской,
когда тебя нету, — одна.

В глазах моих — нежность и грусть,
но их понимать не желаю,
иные судачат — и пусть! —
она, мол, строптивая, злая.
И только во взгляде твоим
сочувствие тотчас найду,
смеюсь или горько реву —
я вся у тебя на виду.

И дорого все, чем живем,
все споры до утренней рани,
на празднике помню чужом,
что свой — веселей и желанней.
Толкуют: побольше друзей!
Друзья окружили толпой.
Я думаю: кто же из них
и вправду сравнится с тобой?

Вчерашние упования,
свободы сладкая грусть,
беспечный мой смех —
подумать! —
стали жертвой разбоя.

Как жить мне дальше — не знаю,
с мыслями не соберусь,
ведь ты, не смутясь нисколько,
их тоже унес с собою.

Холодный огонь гордыни
сверкал у меня в глазах,
был нрав мой неприручаем,
подобен дикарке-лани, —
и вот мое достоянье обращено во прах,
прежние сны — пропали,
нет привычных желаний.

Песня моя зарева,
жизни звонкая высь,
смысл их — в тебе отныне,
а без тебя — утрачен.

Ты сам же порыв мой вызвал —
попробуй не отзовись!
Сердце опоры ищет: как ему жить
иначе!

Где, скажи, моя воля, сила былая —
где ж?

Чье же, скажи, бесчинство в том одно
виновато?

Как Чингисхан,
сметая за рубежом рубеж,
нынче предлог готовишь
для застрашного захвата.
Разбойником, близ аула бродившим

во тьме ночей,
я выслежена, украдена —
чему несказанно рада.

Разбойника
нет на свете отчаянней и ловчей,
а если и есть — другого,
пока я жива,
не надо.

Перевел с казахского
Владимир ПАЛЬЧИКОВ

Как безграничен мир! Как прекрасна жизнь! Как она ограничена! — вдруг осенит мысль, стремительно ворвавшись в сознание в радостный для души миг, бесцеремонно ломая состояние благодати. Невольно зашемит сердце, к горлу подкатит горький комочек, глаза затянет пеленой...

И все-таки опомнись, как бы ни было, ты не побежишь к толпе, в поисках развлечения, шума и гама, уверен, пожалуй, не побежишь к мирской суете. Не покинешь безмолвное одиночество, не сможешь расстаться с ним и с пространством, которое заставило тебя остаться наедине с собой, с девственной природой, околдовав словно навечно.

Да, не сможешь расстаться... Если действительно являешься созданием мира сего — человеком. Потому что все живущие, будь то четвероногие или двуногие, все-таки одиноки. Даже близнецы, которых считают неразрывными, по сути спаренные одинокие люди. Несмотря на то, что жизнь ваша будет полна бурных событий, счастливых мгновений, промежутков между ними заполнит одиночество. Возможно, этим и можно объяснить то, что существо мыслящее, способное чувствовать, уединяясь, устремляется ввысь, словно жеребенок, вырвавшийся из плена узд.

Испокон веков те, чьей долей была суета, стремились к уединению, одиночеству. Это понимали не как слабость, а стойкость, проявление силы духа. Давно не слыхать о поисках людьми одиночества среди камней гор, но в человеческой природе сохранилась стойкость духа, которая не страшится одиночества. Даже находятся и такие, которые сознательно доверяют одиночеству все свое существо, свою судьбу. И сама судьба, пожалуй, определяется настойчивым стремлением художника к единению с миром, к духовной свободе, к открытию.

В таких благих помыслах надлежит полагаться на поддержку сил добра. Художник, не сумевший стать честным, не сможет стать Человеком. Он может стать всемогущим, добиться поставленной большой цели, однако Человеком стать такому не дано. Он будет есть нечестно заработанный хлеб, теша себя надеждами на призрачное счастье.

Корысть, зло, нахрапистость присущи многим. Неспроста проходящему случается подниматься высоко. Тогда беда. Он становится в позу вождя и заставляет окружающих подчиняться. Каково быть другим? Остаться, затеряться в толпе, притвориться довольным. Сколько жизней, сколько талантов, сколько гениев стали жертвой воинствующей посредственности...

Но слово цены не потеряло. Прямота Поэта по-прежнему в чести.

А на такую смелость, доходящую до самоотверженности, способен лишь истинный трибун. Дух слова — истинный клад, встречающийся крайне редко.

Понятно, и обладающих им мало. Но они есть. Чудаки, дон кихоты, красивые люди, беззаветно служащие своему народу, собственное счастье соизмеряющие с той пользой, что принесут людям.

Именно в этом и заключается гражданственность художника. Мерило глубины и остроты литературы — умение сопереживать с народом, каковым особенно отличались Асан-печальник, Бухарский гениальный Абай, Махамбет.

Если сегодняшнюю поэзию оценить с этой точки зрения, то нельзя не обратить внимания на Фаризу Унгарсынову.

...Одни ее называют казахской Ахматовой. Ничего подобного. Даже близкого сходства нет. Схожа характером и судьбой

еетавеюй, но и они совершенно разные. Другие называют ее Махамбетом в юбке». Действительно, по духу они довольно изки, но между их эпохами — целая вечность. Все познается в сравнении — это верно, иначе трудно определить истинные грани сравнимого, его значимость. И если и на самом деле сравнение критерием, обязательным условием сопоставления, то эквивалент Фаризе Унгарсыновой я бы стал искать не в литературе, а в музыке. Мне кажется, если Курмангазы писал бы стихи, то писал бы их так, как ныне пишет Фариза, а не Махамбет, оящийся во времени ближе к нему. Если бы Фариза была комментатором, то музыка ее звучала бы широко, искрометно, а у Курмангазы.

Прислушайтесь повнимательней к их стихам и музыке: зве не слышно в них обиды до скрипа зубов, глубокого горя, рски, печального плача верблюдицы, потерявшей верблюжонка, елести и нежности, ярости и милосердия. Звуки льются то широтворенные, то вскипают до ярости. Где вы еще найдете столь гармоничное слияние противоположных чувств, подобный хрометный полет, созвучие? Видимо, беспредельное вдохновение исходит из сердец, ненавидящих несправедливость, устремленые ввысь. Если бы я был художником, то у обоих, наряду со резинкой из помутненных от глубокой печали глаз, написал бы, да лице и неистовые искры. Подобное сочетание, казалось бы, взаимоисключающих понятий подвластно лишь большим художникам, умеющим затрагивать самые тонкие струны души. Фариза Унгарсынова — лирик, сумевший придать точное звучание своему откровению, человеческой печали, человеческому размышлению, поистине детской радости. Бережно отображает она сложную

гамму чувств. И это получается у нее внешне изяшно и просто. Ее творения — это накал, драматизм, полифония чувств. Дух симфонии, как правило, превалирующий над лирическим началом. Добавьте к этому задумчивую философичность, с которой она вглядывается в природу явления, в окружающий мир, гражданственность человека, переживающего за судьбу своего народа, и получится портрет не одного только человека, не одной только нации — получится человеческое обобщение, целый портрет времени художника.

Может быть, поэтому, читая Унгарсынову, я сравниваю ее с современными поэтами и видя, что звезда ее несколько не блекнет при сопоставлении, я безгранично радуюсь.

До сих пор храню в памяти тот день, когда впервые увидел ее. С черными, как смоль, волосами, кареглазая, неприступная, горделивая девушка. Сидела она чуть в стороне, обособленно от остальных, изредка окидывая присутствующих косым взглядом, внешне не выражая своего отношения к стихам других...

...Незаметно время посеребрило наши виски... Теперь читатель наряду с произведениями Байрона и Пушкина, Рильке и Ахматовой, Метерлинка и Гумилева, Абая и Магжана жаждет пообщиться к книгам Фаризы.

Придут новые поколения. И им суждено быть свидетелями истории своего времени. Они тоже нуждаются в собеседнике, с кем можно было бы поделиться самым сокровенным. Думаю, верю, и они будут читать Фаризу. Потому что подобных ей поэтов, сумевших, вкусив и радости, и горечи сложной человеческой жизни, правдиво передать свои ощущения, не очень-то много. И значит, возгораться ее звезде еще ярче.